

ОБ ЭПИТЕЗЕ -Т- В ФОРМЕ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Э.Т. Гутиева

Нарушение нормы может являться симптомом глубоких языковых и экстралингвистических процессов и их комбинации. В статье делается попытка всестороннего анализа нерегулярной формы множественного числа осетинского существительного ус 'жена, женщина' с эпитезой -т-/-т- устытæ 'жёны, женщины', обобщения существующих гипотез ретроспекции ее семантического, фонетического и морфологического развития. Лексему следует рассматривать в широком сопоставительном аспекте с привлечением данных различных языков, а также в контексте сопоставления с собственно осетинскими лексемами, также имеющими в исходе основы неэтимологический глухой дентальный согласный. Задачей исследования является поиск и обоснование максимально исчерпывающего списка вероятных и даже маловероятных факторов, обусловивших асимметрию в парадигме склонения. В качестве таких факторов рассматриваются фонетические процессы – парагога, действия процесса аналогии, морфологические и морфонологические причины.

Возможно рассматривать эпитезу -т-/-т- как фоссиллизацию форманта множественного числа вследствие грамматической синекдохи, следовательно, формы множественного числа целого ряда осетинских лексем, а также этнонимов и фамильных имен можно рассматривать как тавтологическое множественное.

Ключевые слова: эпитеза, множественное число, восточноиранские языки, осетинский язык, скифский

Противопоставление единственного числа и множественного является лингвистической универсалией, достаточно подробно описанной на материале многих языков. В большинстве языков единственное число выражается нулевой флексией, тогда как оформление не-единственного числа обычно обсуждается в терминах различия. В осетинском языке категория единственного числа существительных также является немаркированной, однако в нем существует особая форма образования множественного числа с помощью форманта -т-/-т- (-тæ-/-та- в именительном падеже).

Данная модель плюральности, не представленная в других индоевропейских языках, позволяет исследователям говорить о скифской изоглоссе, объединяющей осетинский с согдийским и ягнобским языками. Вместе эти восточноиранские языки (и, предположительно, хорезмийский) обра-

зуют «скифскую группу» – *“le groupe scythique”*. Возможно, происходило вытеснение остальных форм выражения множественности в силу все более широкого употребления коллективной формы с элементом –*ta*-, «превратившимся впоследствии в единственный показатель множественности, в соответствии с тенденцией обнаруживаемых и в классических древнеиранских языках [1, 10]. Этот показатель числа «характерен именно для иранских языков северо-восточной группы и является одним из важнейших для нее диагностирующих признаков» [2, 81]. Вопрос происхождения и распространения данного дентального показателя множественности очень важен не только в свете рассуждений о языках скифов и близости их родства с языками сарматов, алан, осетин [3, 68]. Проблема выходит за пределы индоевропейского мира и уводит вглубь далеких веков. Подобный формант для некоторых форм (для простого множественного числа) есть в ряде финно-угорских языков, длительность контактов с которыми у носителей скифских языков является исторической аксиомой [4, 76]. Продуктивно сопоставление с формами образования множественного в алтайских языках [5, 16–19].

В контексте нашего обсуждения важны, не столько определение языка-донора, вектор заимствования и глубина воздействия на парадигму склонения в языке-реципиенте, сколько то, что в осетинском данная словоизменительная модель является преемственной и восходящей через последовательные этапы к скифскому прото-состоянию [6, 283].

«Других способов образования множественного числа существительных в осетинском языке нет» [7, 80]. Данную констатацию можно уточнить: категория грамматического числа в осетинском языке, кроме глагола, свойственна только существительным и именным частям речи, подвергшимся субстантивации; тогда как атрибутирующие их прилагательные, местоимения, числительные не склоняются ни по падежам, ни по числам.

Формант *-m/-t-* маркирует неединственное число существительных независимо от их семантики: не только дискретных и исчисляемых: *къух–къухтæ* (*k'ux–k'uxtæ*) 'рука-руки', *лæг–лæгтæ* (*læg–lægtæ*) 'мужчина-мужчины', но и недискретных, и неисчисляемых. Последнее обстоятельство может представлять проблему при переводе на русский язык, в котором нет множественного числа, например, существительных 'молоко': *æхсыр–æхсыртæ* (*æx syr–æx syrtæ*) или 'пыль': *рыг–рыгтæ* (*ryg–rygtæ*).

В «Грамматике осетинского языка» этот вид словоизменения назван образованием множественного числа «с помощью агглютинативного элемента, присоединяемого к основе» [7, 32], т.к. падежные окончания прилегают непосредственно к показателю множественности. Считается, что категория числа почти всегда более тесно связана с основой, чем формы выражения падежа, и что существует ряд языков, имеющих категорию

числа, но не имеющих категории падежа [8]. Возможно, отмеченную закономерность в осетинском языке отражает следование падежных флексий за формантом числа.

Однако при кажущейся очевидности и простоте данного словоизменительного алгоритма в языковой практике сложилась довольно сложная система присоединения данного форманта к основе существительного, которая, несмотря на свою сложность, подчинена определенной логике, а правила такого присоединения достаточно регулярны. В зависимости от структуры корня при образовании множественного числа могут происходить чередования финального согласного либо его геминация, переднеязычная перегласовка гласного корня, также возможны видоизменения суффикса существительного, в определенных фонетических условиях на стыке морфем требуется соединительный гласный, может иметь место геминация самого форманта множественности, а также может смещаться ударение с основы на флексию либо на интерфикс.

В редких случаях можно констатировать нарушение правил словоизменения. Так, в осетинском языке основной номинацией «жена» и «женщина» является слово *уs|yocæ*. В латинской графике иронский вариант слова имеет вид *ūs*, дигорский *osæ*. В соответствии с закономерностями осетинского словоизменения по продуктивной модели, следует ожидать форму множественного числа **устæ|*уостæ*. Подобные регулярные формы отмечены у слов с аналогичной структурой корня, среди которых можно привести примеры соматизмов: *рус < рустæ* (щека – щеки), *хъус < хъустæ* (ухо – уши).

В случае, если бы множественное число было оформлено подобным образом, слово, по мнению В.И. Абаева, могло бы возводиться к прото-корню **уаиṣā*, от которого ведийская форма 'молодая женщина', 'жена' [9, 20]. Однако формы **устæ* в парадигме склонения не отмечено, и именно формы множественного числа, отличные от ожидаемой, позволяют уточнить предположения об этимологическом развитии осетинской лексемы *ус*. Известно, что «в исследовательской (этимологической, словообразовательной и др.) практике чрезвычайно важно учитывать не только продуктивные, широко распространенные явления, но и редкие, представленные немногочисленными примерами», однако «если широко известные процессы и явления едва ли выпадут из поля зрения исследователя при решении той или иной, в частности этимологической, проблемы, то уникальный или сравнительно редкие случаи могут быть не приняты во внимание» [10, 198].

Узуально закрепленной нормой множественного числа являются формы *уст-ы-мæ | уост-у-мæ*, / (*üst-i-tæ | ost-i-tæ*) в иронском и дигорском

вариантах осетинского языка, соответственно. На синхронном уровне такая форма плюральности не мотивирована и требует диахронического подхода к ее интерпретации. Данный случай обсуждается в разделе, посвященный основам на сочетание 'спирант-смычный согласный', т.к. производящей основой следует считать не *ус-*, а **уст-*. На это указывают эпитеза – согласный *-m-* в исходе корня – и гласный *-ы-\\-у-* между основой и формантом множественности.

Это «связательный» гласный, в терминах А. Шегрена [11]. Данный элемент у В.И. Абаева назван «вставкой» [12, 27], Н.Я. Габараев считает его интерфиксом [13].

Устытæ – нормальное множественное для корня на *-m-*, т.е. форма соответствующего единственного числа должна быть **уст*. По парадигме склонения слова во множественном числе *устытæ* у В.И.Абаева оно возводится к ведийскому *yoṣit* «женщина», а не к **yauṣā*, от которого ведийская форма «молодая женщина», «жена» [9, 20].

Таким образом, в ходе развития языка **уст* в современном осетинском языке в единственном числе имеет вид *ус*, т.к. теряет конечный элемент *-m-* (корневой согласный? аффикс? флексию?), который позволяют реконструировать формы его множественного числа – *устытæ*. Но, исходя из ведийского *yoṣit* и **yauṣā*, можно предполагать наличие двух слов, или, скорее, паронимической пары и в осетинском – *ус* и *уст*, (ср.: *невест-а* и *невест-к-а*). Впоследствии могла иметь место контаминация этих слов ввиду минимальной семантической дистанции между ними и высокой омонимичности.

В таком случае *ус* и *уст* можно считать условно супплетивными, т.к. они не от различных корней типа 'человек' – 'люди', а от разных производных – одного корня, как если бы в одной словоизменительной парадигме формы единственного числа были бы образованы от *Fraülein*, а во множественном числе склонялась бы основа *Frau*.

*Ус- и *уст- – паронимы, парадигмы склонения которых соединились: в единственном числе представлено склонение *ус*, а во множественном – *уст*.

Появление *-ы-\\-у-* перед формантом множественного числа, в соответствии с закономерностями построения множественного числа в осетинском языке, предполагает необходимость разведения на морфемном шве двух глухих дентальных звуков – в исходе корня и во флексии, как, например, в близком по фонетическому облику слове *куыст* «работа», во множественном числе которого появляется интерфикс *куыст-ы-тæ*.

Аналогичный процесс для «предотвращения столкновения неудобопроизносимых групп согласных» [14, 87] наблюдается, например, после корня на дентальный согласный английских правильных глаголов при

образовании форм прошедшего времени. Тот же механизм разведения групп согласных при образовании регулярного множественного числа в английском, однако, как известно, качество согласных в последнем случае другое, соответственно, соединительный гласный появляется между сибилантами.

В осетинском есть параллельные формы слов, «имеющих разное значение, что говорит о дифференцирующей функции интерфикса, которую он или имеет с самого начала, или приобретает впоследствии и которая служит для устранения омонимии. *Кæндтæ* – поминки, *кæндтытæ* – вспаханное и там, и сям», сделанное наспех, а также «*хæрдтæ* – подъемы, и *хæрдытæ* – объединенный и там, и сям, *мæрдтæ* – «мертвые» и *мæрдытæ* – убитые, лежащие и там и сям» различаются не только благодаря семантике, но и структурно [13, 158–159].

В осетинском языке, который не очень боится труднопроизносимых кластеров и вовсе не боится удвоения согласных, такой интерфикс отмечен в склонении, например, соматизма: *цæстытæ* ‘глаза’, а также *мыстытæ* – ‘мышь’. Но, в отличие от *устытæ*, в данных формах интерфикс представляется фонетически мотивированным на синхронном уровне, т.к. в единственном числе в исходе этих двух корней в настоящее время отмечен консонантный комплекс [сибилянт + глухой дентальный] *цæ-ст*, *мы-ст*. В обоих словах конечный дентальный согласный не исторический и является «наращением» [15, 305], [16, 142–143].

По мнению Т.А. Гуриева, в данных двух исконных словах это наращение является примером спорадического действия парагоги, фонетического явления возникновения в финале слов звуков «без какого-либо этимологического оправдания». Парагога чаще имеет место при ассимиляции заимствований, но эпитезу в данных случаях могло обусловить и давление аналогии [17, 72–74]. Так, в инверсионном словаре Н.Я. Габараева приводятся 423 слова на *-ст* [18, 247–251].

Неисторический характер наращения особенно наглядно прослеживается на примере зоонима ‘мышь’, животного с чрезвычайно древним синантропным характером.

Осетинское *мыст* в силу и фонетической, и семантической однозначности надежно этимологизируется как развитие общеиндоевропейского корня **mus-*, рефлекс которого с минимальными трансформациями представлены в большинстве индоевропейских языков. В некоторых рефлексах отмечен взрывной велярный после сибиланта, как, например, в курдском *mišk*, в пушту *mužak*, *məžak*. В ряде языков фиксируется сосуществование форм на сибилант и на сибилант + велярный: так, в русинском имеются параллельные формы – *мыш*, *мышак*, в болгарском – *миш*,

мишка [19, 99]. Такое распределение форм восходит к санскриту: *mūṣ*, *mūṣa*, *mūṣaka* [20, 518], и отражено в индоарийских языках. Количество таких форм позволяет допускать, что русское 'мышка' – это не слово 'мышь' с диминутивным суффиксом, а что они оба являются рефлексамии разных дериватов одной основы.

Однако ни в одном из известных языков эпитеза *-m-*, подобная осетинской, не отмечена, что, как и в других рассматриваемых случаях, ставит вопрос о происхождении дентального в исходе корня *мыст*.

Существуют разные гипотезы происхождения названий этих «сыновей земли». Согласно одной из наиболее распространенных, первичным значением основы **mūs-* могло быть 'расхититель', 'кто тащит (из жилья), уносит'.

Следует обратить внимание на древнеиндийские формы *mōṣati*, *muṣati*, *muṣāti* «ворует» [21, 27–28]. Маловероятно, что дентальный мог быть унаследован от глагольных форм, подобных древнеиндийским. В самом осетинском языке достаточно продуктивной является модель образования существительных от глагольной основы с помощью суффикса *-m-*: *фыс-т*, *рыс-т* от *фыссын* и *рыссын*, соответственно. Следует обратить внимание на приводившийся выше пример семантической дифференциации слов с помощью интерфикса: *кæндтæ* и *кæндтытæ*. Данные слова следует считать производными от формы причастия *конд* 'сделанный', и их отличает не только отсутствие/наличие интерфикса, но и эпитеза перед интерфиксом в форме *кæнд-т-ытæ*.

Но в настоящий период в языке нет глагола **мыссын/*миссын*. Однако возможно допускать существование такого глагола, близкого к этимону «таскать, воровать», в таком случае появление дентального могло быть обусловлено деривационным шагом узуальной суффиксации в осетинском языке.

В качестве контраргумента собственным рассуждениям, заметим, что в большинство языков корень **mus-* попал именно в качестве названия грызунов, обсуждаемого морфооблика, не сохранившись в этимологическом значении.

Вопрос об осетинском названии ставится и в свете таксономической классификации в систематике животных. В отряде Хищных для семейства Куниц (*Mustelidae*) выделяют род Хорьки (*Mustela*), в свою очередь, 8 видов этого рода содержат данное родовое название. Очевидным когнатом ему считается осетинское *mystūlæg* 'ласка', которое рассматривается в качестве элемента скифо-латинской изоглоссы. И именно с осетинским *myst* 'мышь' В.И. Абаев соотносит первую часть этого слова, а во второй части выделяет два форманта диминутивного значения *-ūl-* и *-æg* [12, 143].

А.А. Поздняков считает, что такая «этимологическая версия семантически явно сомнительна»: двойная диминутативность противоречит реальности, и, поскольку ласка превосходит по размерам и массе домовую мышь, для ее обозначения необходим аугментатив, а не диминутив [19, 102].

В соответствии с морфологическим разбором О.Н. Трубачева: *mys-tūl-æg*, возможно, 'летяга', является композитом, и искомый дентальный им квалифицируется не как финальный первого корня, а как инициальный элемент второго компонента *-tel-*. Последний возводится к и.-е. основе с первичным значением 'поднимать, нести' и семантически сближается со значением 'лететь, летать'. Таким образом им реконструируется и.-е. пра-форма **mūs-t(e)l-* со значением 'носящийся, летающий зверек' [22, 24]. А.А. Поздняков из этого же этимологического уравнения делает вывод, что **mūs-t(e)l-* 'носительница мышей', и т.к. ласка питается мышевидными грызунами, то значение праформы 'поднимать, нести' «вполне аргументировано с точки зрения как лингвистической, так и зоологической» [19, 102].

В контексте подобной логической аргументации обращаем внимание на менее известное осетинское слово *musu\musu* 'название какого-то хищника из семейства кошачьих' [12, 43]. Если этот «неизвестный науке» хищник все-таки барс, то, несмотря на то, что это животное не того биологического таксона, он может «подходить» хорьковым не только при уменьшенных вдвойне размерах, но и по структуре корня, по Трубачеву и Позднякову. Не исключено, что осетинское *musu\musu*, а не только *myst* и *mystūlæg* следует сопоставлять с такими названиями, как *мышь* и таинственная *мысль* из «Слова о полку Игореве». Возможно, названия этих животных следует интерпретировать как рефлексы разных высокоомонимичных корней, а эпитезу можно рассматривать как средство снятия омонимии.

В «Историко-этимологическом» словаре В.И. Абаева слово глаз *caest* называется усечением *casm*, приводятся его индоиранские параллели, среди которых нет форм с дентальным даже в таких генетически близких осетинскому языках, как согдийский и ягнобский [15, 303–304]. Данный факт, как и в предыдущем случае, ставит вопрос об эпитезе в собственно осетинском языке. Однако, корень *myst-* не встречается в языке без дентального в форме **mys-*, тогда как в некоторых производных слова *caest* отмечены формы **caes-* без *-t-*: например, композит *caeskom* 'лицо', 'совесть'. При этимологическом анализе данного слова В.И. Абаев восстанавливает протоформу как **caest-kom*, т.е. по современному облику первого компонента. Абаев обращает внимание на возможность и идеосемантику такого сложения 'глаз-рот' для обозначения лица [15, 303–304], очевидно, считая потерю *-t-* на морфемном шве естественным упрощением кластера согласных.

Однако, указание на *-t/-m-* проблему можно найти в существовании семантически и идеографически равноценных вариантов слова 'слеза' в иронском: *cæstysyg* и *cæssyg* (*цæстысыг* и *цæссыг*) без *-t-* [15, 305]. Возможно, эти слова отличает возраст деривации, либо они могли быть образованы: **cæs-syg* от основы единственного числа 'глаз-струя', а **cæs-ty-syg* 'глаза-струя' от прежней основы множественного числа. Такой подход позволяет допускать в композитах *cæskom* и *cæssyg* не потерю первым компонентом неисторического *-t-* при словосложении, а его изначальное и этимологически оправданное отсутствие.

С тем же формантом множественного, что и нарицательные слова, в осетинском образуются фамильные имена. Целый ряд этнонимов содержит этот же формант. В.Ф. Миллер считал, что показателем множественного числа данный суффикс стал именно вследствие привычного оформления племенных названий, в доказательство чего приводит двадцать скифских и сарматских этнических имен [23, 73–76]. Примером укоренения некорневого неэтимологического глухого дентального является обозначение *нарт*, героя осетинского нартовского эпоса, как известно, формы единственного числа этого мифоэтнонима в самом осетинском языке нет. «Единичный герой никогда не называется *nar*, нельзя сказать *nar Batraz* или *nart Batraz*, а только *Narty Batraz*. Иными словами, термин образован по типу других фамильных имен в эпосе и в быту» [12, 158–159]. *Нартæ* – это «общее коллективное наименование героев осетинского эпоса».

В других языках в структуре мифоэтнонима *Nar-t-t-* не осмысливается как формант числа, соответственно, при заимствовании его множественное число строится по собственным словоизменительным моделям принимающих языков – *the Nart-s*, *нарт-ы*, *les narts*. Аналогичным образом можно рассматривать и другие этнонимы из списка В.Ф. Миллера и классифицировать названия сарма-т-ы, саврома-т-ы, сколо-т-ы как формы, имеющие реликт северовосточно-иранского форманта множественного числа *-m-*, и оформленные русским окончанием *-ы*.

Если в рассмотренных выше словах *-t/-m-* той же этимологии, что и в случае Нартов, сарматов, то подобную эпитезу следует рассматривать как результат регрессивного переразложения: согласный флексии мог присоединиться к корню.

Формы множественного числа могли быть использованы в значении форм единственного числа вследствие грамматической синекдохи.

При рассмотрении подобного сценария переосмысления множественного как формы единственного числа следует дифференцировать характер числового противопоставления. Во-первых, в случае зоонима 'мышь' (либо паразита *сыст* 'вошь' с подобным наращением во множественном *сыс-т-*

ытæ), это могло быть обусловлено незначительностью размера и нерелевантностью количества больше одной (завелась мышь\вошь и завелись мыши\вши), т.е. числовую оппозицию можно сформулировать как «один – более одного/неопределенно много». Во-вторых, в случае соматизма 'глаз' подобный процесс мог происходить из-за употребления в значении нормальной парности органов зрения, соответственно, числовая оппозиция слова *цæст*: «один – два», «один из пары – пара». Можно сравнивать подобное явление в разносистемных языках. Русские формы множественного числа «со значением парной сегментации (парного комплекта) частей тела (руки, ноги, плечи, лопатки, колени, локти, ступни, глаза, уши), предметов одежды (перчатки, рукавицы, ботинки), украшений (серьги, клипсы) и т.п. переводятся на финно-угорские языки формами единственного числа. А русские формы единственного числа со значением индивидуальной сегментации переводятся на финно-угорские языки количественной конструкцией со значением 'половины' (половинная сегментация)» [8].

Оснований выделять случай соматизма *цæст* из ряда остальных слов с наращением с тем, чтобы квалифицировать его как реликт двойственного числа недостаточно. Но вместе с тем, учитывая тот факт, что двойственное число в большинстве индоевропейских языков на ранних стадиях зафиксировано, что в процессе развития оно подверглось архаизации в большинстве языков, и немногочисленные остатки двойственного числа распознаются в ряде случаев [24], следует допускать самую вероятность такого подхода к эпитезе *-т* в слове *цæст*.

Оба вида оппозиции содержатся в примере перевода знаменитой басни: «Хоть видит око, да зуб неймет», иллюстрирующем метонимическое употребление единственного числа вместо и в значении множественного: «Хоть видят очи, Да зубы неймут». Если бы ситуация потребовала еще более педантичного описания с использованием соответствующих числительных, то вместо крылатого изречения получилось бы «Хоть видят два ока, Да ни один из 42-48 зубов неймет».

Грамматическая синекдоха могла привести к легитимизации множественного числа и его переосмыслению в единственное, что потребовало бы впоследствии образования новых форм множественного. Могла иметь место контаминация двух хронологически последовательных форм множественного числа. **Цæс* < **цæст* сопровождалось переосмыслением/интервенцией согласного флексии в корень, а от основы нового единственного числа **цæст* впоследствии образовалось новое множественное число *цæстытæ*.

Такие формы плеонастического множественного могут быть результатом, например, заимствования слова в форме множественного с при-

бавлением форманта принимающего языка: *бут-с-ы* или *чип-с-ы*, либо результатом коренной перестройки в структуре одного языка, как в случае английского *children*, с двумя формантами множественного *-r-* и *-en*.

В случае если *-m-* в **уст-* неисторический, а рудимент множественного, то формы *уст-ы-тæ/уст-у-тæ* являются тавтологическим множественным числом, как и в приведенных выше примерах, но с использованием одного и того же способа словоизменения.

Ни фонетический, ни морфологический, ни морфонологический подход не объясняет, почему выравнивание *ус-уст* не произошло ни по одному из вариантов основы, что, несомненно, свидетельствует о более сложных внутриязыковых и экстралингвистических процессах при развитии данной лексемы по сравнению с остальными случаями, в которых также отмечена эпитеза глухого дентального согласного.

---

1. Зализняк А.А. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М.: Изд-во Академии Наук СССР. Вып. 38, 1963. С. 3–22.

2. Иванчик А.И. К вопросу о скифском языке // Вестник древней истории. 2009. № 2. С.62–88.

3. Harmatta J. Studies in the history and language of the Sarmatians. Acta antiqua et archaeologica. T.XIII. Szeged. 1970. 131 с.

4. Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. М., 2016. 232 с.

5. Poppe N. Plural suffixes in the Altaic languages. Ural-Altische Jahrbucher. XXIV-3-4. Harrassowitz, 1952, pp. 65–83.

6. Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России. Журнал министерства народного просвещения. 1886. Т. 247. С. 232–283.

7. Грамматика осетинского языка. В 2-х т. / под ред. Г.С. Ахвледиани. Орджоникидзе, 1963. Т.1. Фонетика и морфология. 368 с.

8. Архипкина Г.Д. Языковые универсалии и категория плюральное // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение № 12 (37). 2005. [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-universalii-i-kategoriya-plyuralnosti>

9. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. U-Z. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1989. 325 с.

10. Петлева И.И. О важности учета в этимологии редких лингвистических явлений формального характера // Этимология. М.: Наука, 1986. С. 198–201.

11. Шегрен А.М. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 976 с.

12. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959. 168 с.
13. Габараев Н.Я. Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси, 1977. 175 с.
14. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974. 324 с.
15. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. А-К'. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 655 с.
16. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. L-R. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1973. 448 с.
17. Гуриев Т.А. Заметки о парагоге // Сборник избранных статей. Владикавказ. 2010. С. 72–74.
18. Габараев Н.Я. Инверсионный словарь осетинского языка. Цхинвал, 1978. 255 с.
19. Поздняков А.А. К происхождению названий мыши // Acta Linguistica. 2014. Vol. 8. №3. С. 99–116.
20. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М.: Русский язык, 1987. 944 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. 831 с.
22. Трубочев О.Н. Еще раз мыслю по древу // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: К 80-летию С. Г. Бархударова. М., 1974. С. 24–26.
23. Миллер В.Ф. Язык осетин. М., 1962. 190 с.
24. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983. 405 с.

Gutieva, Elmira T. – V.I. Aباev's North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS; gutieva@list.ru

ON THE EPITHESES -T- IN THE PLURAL FORMS OF OSSETIAN NOUNS

Keywords: *epithesis, plural, East Iranian languages, the Ossetian language, Scythian*

Violation of the norm can be a symptom of deep linguistic and extralinguistic processes and their combination. The present article makes an attempt to comprehensively analyze the irregular plural form of the Ossetian noun us 'wife, woman' with the epithesis -m - / - t- ustyta 'wife, women', generalizing the existing hypotheses of retrospection of its semantic, phonetic and morphological development. The lexeme should be considered in a broad comparative aspect with the involvement of data from different languages, as well as in the context of comparison with the proper Ossetian lexemes, which also have a non-etymological final voiceless dental consonant in their basis. The task of the

research is to find and substantiate the most exhaustive list of probable and even unlikely factors that caused asymmetry in the declination paradigm. As such factors are considered phonetic processes - paragogue, actions of the analogy process, morphological and morphonological reasons.

It is possible to consider the epithesis -m - / - t- as fossilization of the plural formant due to the grammatical synecdoche, therefore, the plural forms of a number of Ossetian lexemes, as well as ethnonyms and family names can be considered as tautological plural.

REFERENCES

1. Zaliznyak, A.A. *O kharaktere yazykovogo kontakta mezhdru slavyanskimi i skifo-sarmatskimi plemenami* [On the nature of linguistic contact between Slavic and Scythian-Sarmatian tribes]. *Kratkie soobshcheniya Instituta slavyanovedeniya AN SSSR* [Brief reports of the Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, USSR Academy of Sciences, iss. 38, 1963, pp. 3–22.
2. Ivanchik, A.I. *K voprosu o skifskom yazyke* [On the question of the Scythian language]. *Vestnik drevnei istorii* [Ancient History Herald]. 2009. no. 2, pp. 62–88.
3. Harmatta, J. *Studies in the history and language of the Sarmatians*. Acta antiqua et archaeologica. T.XIII. Szeged. 1970. 131 p.
4. Kullanda, S.V. *Skify: yazyk i etnogenez* [Scythians: their language and ethnogenesis]. Moscow, 2016. 232 p.
5. Poppe, N. *Plural suffixes in the Altaic languages*. Ural-Altische Jahrbucher. XXIV-3-4. Harrassowitz, 1952, pp. 65–83.
6. Miller, V.F. *Epigraficheskie sledy iranstva na yuge Rossii* [Epigraphic traces of Iranianism in the south of Russia]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. 1886. Vol. 247, pp. 232–283.
7. Akhvlediani, G.V. (red.) *Grammatika osetinskogo yazyka. V2-kh t.* [Grammar of the Ossetic Language. In 2 vols]. *T.1. Fonetika i morfologiya* [Vol. I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze, 1963. 368 p.
8. Arkhipkina, G.D. *Yazykovye universalii i kategoriya plyural'noe* [Linguistic universals and the category of plurality]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennyye nauki. Prilozhenie* [Proceedings of universities. North Caucasian region. Social Sciences. Application]. 2005. no. 12 (37) [Web-site]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-universalii-i-kategoriya-plyuralnosti>
9. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of Ossetic]. Vol. 4. U-Z. Moscow&Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1989. 325 p.

10. Petleva, I.I. *O vazhnosti ucheta v etimologii redkikh lingvisticheskikh yavlenii formal'nogo kharaktera* [On the importance of accounting for rare linguistic phenomena of a formal nature in etymology]. *Etimologiya* [Etymology]. Moscow, Nauka, 1986, pp. 198–201.
11. Shegren, A.M. *Osetinskaya grammatika s kratkim slovarem osetinsko-rossiiskim i rossiisko-osetinskim* [Ossetian grammar with a short dictionary of Ossetian-Russian and Russian-Ossetian]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2010. 976 p.
12. Abaev, V.I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [A grammatical sketch of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, 1959. 168 p.
13. Gabaraev, N.Ya. *Morfologicheskaya struktura slova i slovoobrazovanie v sovremennom osetinskom yazyke* [Morphological structure of a word and word formation in the modern Ossetian language]. Tbilisi, 1977. 175 p.
14. Kubryakova, E.S. *Osnovy morfologicheskogo analiza* [Fundamentals of morphological analysis]. Moscow, 1974. 324 p.
15. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of Ossetic]. Vol. I. A-K'. Moscow&Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1958. 655 p.
16. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of Ossetic]. Vol. II. L-R. Moscow&Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1973. 448 p.
17. Guriev, T.A. *Zametki o paragoge* [Notes on Paragoge]. *Sbornik izbrannykh statei* [Collection of selected articles]. Vladikavkaz, 2010, pp. 72–74.
18. Gabaraev, N.Ya. *Invercionnyi slovar' osetinskogo yazyka* [Inversion dictionary of the Ossetian language]. Tskhinval, 1978. 255 p.
19. Pozdnyakov, A.A. *K proiskhozhdeniyu nazvanii myshi* [To the origin of the name 'mouse']. *Acta Linguistica*. 2014, vol. 8, no. 3, pp. 99–116.
20. Kochergina, V.A. *Sanskritsko-russkii slovar'* [Sanskrit-Russian dictionary]. Moscow, Russkii yazyk, 1987. 944 p.
21. Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1987, vol. 3. 831 p.
22. Trubachev, O.N. *Eshche raz mysliyu po drevu* [Once more thought on the tree]. *Voprosy istoricheskoi leksikologii i leksikografii vostochnoslavyanskikh yazykov: K 80-letiyu S. G. Barkhudarova* [Questions of historical lexicology and lexicography of East Slavic languages: To the 80th anniversary of S.G. Barkhudarov]. Moscow, 1974, pp. 24–26.
23. Miller, V.F. *Yazyk osetin* [The Ossetian language]. Moscow, 1962. 190 p.
24. Ivanov, V.V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, 1983. 405 p.